

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173622-637>

Хубулова Светлана Алексеевна

д.и.н., профессор кафедры российской истории

Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия

hubul@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ДЕТСКОГО МИРА» В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ ЧАСТИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР¹

Аннотация. Интерес к истории Великой Отечественной войны не только не угасает, но и постоянно активизируется, исследовательское поле расширяется, захватывая те проблемы, которые ранее были на периферии научного поиска. Такой «запретной» до недавнего времени являлась тема повседневной жизни населения в период немецко-фашистской оккупации. В данной статье предпринята попытка осветить проблему детского восприятия врага и проводимой им захватнической политики, а также детское поведение в условиях фашистской оккупации части территории СО АССР. Дети, как все взрослые, тяжело переживали тяготы военного времени, осложненного оккупационным режимом фашистской армии. Впервые в качестве источников привлечены материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба на территории Северо-Осетинской АССР, в которых зафиксированы свидетельства детей. В качестве опорных выбраны материалы по населенным пунктам Алагир, Моздок, Дигора и Ардон, а также селам, наиболее пострадавшим в период оккупации. В качестве еще одного вида эго-документов проанализированы воспоминания-интервью, взятые в 2000-е гг. В работе были использованы проблемно-хронологический (полученный материал анализировался по выделенным проблемам), антропологически ориентированный (дал возможность учитывать возрастные, психологические, статусные особенности детей), сравнительно-исторический (осуществлялось сравнение выявленных в воспоминаниях проблем и сравнение их по разным районам), системно-структурный (выделялись основные проблемы в детском восприятии военной реальности) методы и средства контент-анализа, микроистории (позволяют рассматривать повседневные практики ребенка) и интервьюирования. Благодаря использованию этого инструментария появилась возможность реконструировать мир детства военной поры. Анализ показал степень информативности, достоверности выявленных эго-документов. Было установлено, что свидетельства, взятые в 1943-1944 гг., отличаются большей объективностью, нежели воспоминания, записанные спустя много лет. В последнем случае отмечается большая эмоциональность, но и воспоминания носят отрывочный характер, в основном в интервью рассказывали о бытовых тяготах, проблемах, и лишь в отдельных случаях – о наиболее ярких воспоминаниях. Степень их репрезентативности уступает свидетельствам «по горячим следам». Однако все документы, связанные с детским восприятием оккупации, позволяют дополнить историю войны в региональном масштабе. Свидетельства «негероического» маленького человека, чей «детский мир» был разрушен и травмирован, имеют большое значение для восполнения научных лакун истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; детский мир; оккупация; эго-документы; борьба с захватчиками.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173622-637>

Svetlana A. Hubulova,
Dr. Sci., Prof. of Dep. of Russian History
North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia
hubul@yandex.ru

TRANSFORMATION OF THE “CHILDREN’S WORLD” DURING THE OCCUPATION OF PART OF THE NORTH OSSETIAN ASSR

Abstract. Interest in the history of the Great Patriotic War is constantly increasing, while the research field is also expanding, covering those issues that have been previously unexplored. Until recently, such a “forbidden” subject was the everyday life of the population during the Nazi occupation. The paper attempts to shed light on the issue of children’s perception of the enemy and their aggressive policy, as well as children’s conduct in the conditions of the Nazi’s occupation of part of the territory of North Ossetian ASSR. Children, like all adults, endured hardships of war, complicated by the occupation regime of the fascist army. We introduce new materials of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the German Fascist Invaders and Their Accomplices and the Damage They Caused (ChGK) on the territory of the North Ossetian ASSR, in which testimonies of children are recorded. The materials on the settlements of Alagir, Mozdok, Digora and Ardon, as well as the villages most affected by the occupation, were selected as reference materials. Recollections-interviews of 2000s, as another type of ego-documents, have been analyzed. The study was conducted with the use of the following methods: problem-chronological (the obtained material was analyzed according to the selected problems), anthropologically oriented (made it possible to take into account the age, psychological, status characteristics of children), comparative-historical (the problems identified in the memories were compared among different regions), systemic-structural (the main problems in children’s perception of military reality were highlighted) methods and means of content analysis, microhistory (allowed us to consider the child’s everyday practices) and interviewing. Thanks to the methods applied, it became possible to reconstruct the world of wartime childhood. The analysis shows the degree of information content, reliability of the identified ego-documents. It has been revealed that the evidence taken in 1943-1944 is more objective than the memories recorded many years later. In the latter case, great emotionality is noted. However, the people’s recollections are fragmentary: they mainly consist of everyday hardships, problems, and only in some cases – the most vivid memories. The degree of their representativeness is inferior to the evidence taken directly after the events. Nonetheless, all documents related to children’s perception of the occupation make it possible to supplement the history of the war on a regional scale. The testimonies of the “little man”, whose children’s world was disturbed and traumatized, are of great importance for filling the scientific gaps in the history of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; children’s world; occupation; ego-documents; struggle against invaders.

Чтобы восстановить историческую правду о событиях в зоне оккупации, был запущен Всероссийский проект «Без срока давности», цель которого не только оценить «истинные уроки Второй мировой войны, но и сформировать позицию неприятия тех и того, что осудил Нюрнбергский трибунал»¹.

Многие вопросы военной истории могут быть изучены методами микроистории, которые выдвинуты в работах, например, Х. Медика [1] и А. Людтке [2], и позволяют реконструировать конкретные прожитые жизни, извлечь опыт из этого и использовать в создании объективной и полной картины общества данного периода.

Воспоминания «детей войны» о своем «негероическом» опыте многие десятилетия не были включены в общественный дискурс о войне. Исследователи пытаются восстановить жизненный мир детей и подростков, их переживания и страхи, их психологические проблемы и др.

Цель статьи – показать детские переживания, повседневную жизнь в условиях фашистской оккупации территории Северной Осетии. С помощью воспоминаний и свидетельств изучить, как проходила через сознание ребенка война и оккупация. В качестве предмета изучения нами использована информация, извлеченная из свидетельств и последующих детских воспоминаний, и ее анализ. Этот вид источников позволяет расширить горизонты изучения Великой Отечественной войны, осуществить проекцию фактов в плоскости индивидуального переживания. Контент-анализ эго-документов дает возможность определить повседневные практики детей, а также изучить ментальные стороны детской повседневности (надежды, страхи, героические поступки и т.д.). Новизна темы заключается в том, что введение в научный оборот свидетельств детей о переживаниях в период оккупации (прежде всего, в сравнительном плане) в региональной историографии не проводилось. В данной работе воспоминания участников и свидетелей рассмотрены как новый комплекс источников и как значимое историко-культурное явление. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

В последние десятилетия в исторической науке широкое распространение получили идеи М. Блока [3] и Л. Февра [4], которые обратились к всеобъемлющему изучению истории, не выделяя одну сторону в ущерб остальным. Последователи этой школы глубоко проследили тесную связь между повседневной жизнью и формированием ментальности, психологии и др. Именно в этом направлении формировалась отечественная школа «Анналов» во главе с А.Я. Гуревичем [5]. Историко-психологический подход позволяет реконструировать не только психологию индивида и социума, но помогает восстановить систему социально-культурных связей [6; 7; 8].

Популярной является концепция исторического моделирования тесной связи индивидуальных и коллективных психологических процессов, которая позволяет всесторонне изучить информацию из воспоминаний детей войны для реконструкции социально-психологических оснований поступков этой категории населения [9, с.

¹ Российское историческое общество [дата обращения: 14.06.2021]. Доступ по ссылке: <https://historyrussia.org>

61]. Так, М.К. Чуркин, анализируя воспоминания детей войны, указывает на возможности этого вида эго-документов, позволяющие преодолевать «стандартизацию прошлого» и разрыв поколенческой памяти [10, с. 89].

Эти соображения позволили обратиться к такой непростой теме, как маленький человек в условиях немецкой оккупации. Преодоление политизированных методологических рамок, мешавших научному кругозору отечественных историков, которые изучали историю Великой Отечественной войны в традиционном русле: центре внимания исследователей были только герои-фронтовики, их подвиги, на современном этапе позволяет выбирать наряду с описанием героической роли Красной армии такие направления и проблемы исследовательского поиска, постановка которых раньше казалась неактуальной и ненаучной. К «мелкотемью» относилась и проблема детей, которым выпала тяжелая участь переживать тяготы военного времени.

В последние годы «детская проблема» стала активно изучаться на материалах разных регионов страны [11; 12; 13]. Например, в ряде работ дагестанских исследователей проанализированы воспоминания детей войны; такая работа, по мнению авторов, необходима «для многоаспектной реконструкции экономического, политического и культурного пространства» истории Дагестана в годы Великой Отечественной войны [14; 15]. Работа по сбору и систематизации эго-документов ведется в Республике Северная Осетия – Алания. Методика анализа документов позволила сделать вывод о том, что детские переживания в годы войны в воспоминаниях взрослых – это многоуровневый текст, в котором детская историческая память субъективно интерпретирует военное прошлое, события, самого себя [16, с. 36].

Мы привлекли два вида источников – детские воспоминания людей, переживших оккупацию (интервью 2007-2013 гг.), и свидетельства детей в актах 1943-1944 гг. ЧГК по Северо-Осетинской АССР. Большой источниковедческий интерес представляют свидетельства очевидцев событий, записанные по «горячим следам» либо уполномоченными лицами, либо самими гражданами. Подавляющая часть их написана от руки, часто простым карандашом, что со временем сильно отразилось на их сохранности, некоторые тексты угасают. Форма изложения свободная, но в каждом из случаев обязательным является указание на свидетеля, готового подтвердить правильность показания, что повышает его достоверность и объективность. Надо иметь в виду, что детские воспоминания-интервью в изложении взрослых – это довольно сложный текст, в котором синтезированы не только личные переживания и память, но и разнообразные культурные репрезентации [17]. Так как анализируются свидетельства детей, записанные по «горячим следам», когда пережитое сразу же после освобождения родного села еще свежо и много деталей; и воспоминания последующих лет уже с высоты жизненного опыта, специфики культурного и профессионального уровня, когда в памяти остались лишь наиболее яркие факты, а также увеличивается градус субъективности документа.

Некоторые методологические рекомендации разработаны в исследованиях Е.Ф. Кринко [18], И.В. Ребровой [19], А.С. Саенко и О.Б. Пеньковой [20]. Авторы отмечают, что эго-документы, как любые мемуары, во многом носят субъективный характер, имеют несколько пластов информации, на которые сказался конкретный временной период и господствовавшие официальные установки; затем это степень удаленности от пережитого события, наконец, историческая память о войне [21].

Так как тема обширна, то мы выделили три важных составляющих эго-документов, которые оставили глубокий след в детской памяти: во-первых, оккупанты глазами детей; во-вторых, бытовые тяготы, связанные с политикой немцев; наконец, в-третьих, реакция ребенка на происходящие бесчинства. Конечно, каждый такой документ – это эмоциональный источник, который дает возможность реконструировать как психологическое состояние ребенка, так и его восприятие политики оккупационной власти в регионе. Отметим, что дети оказались заде-ты происшедшим не менее, а даже больше взрослых. Их неокрепшая психика была подвержена стрессам гораздо сильнее остальных когорт; посттравматический синдром у этой категории населения до конца жизни не преодолевался и не лечился.

В 20-х числах августа 1942 г. на территории Северной Осетии начались кровопролитные бои [22]. Сюда противник подтянул большие резервы, перебросил с других фронтов крупные соединения и авиацию. Стремление Гитлера захватить Северный Кавказ в короткое время объясняется провалом «блицкрига». Это важно подчеркнуть, т.к. в планах Германии особое внимание уделялось тем районам СССР, которые могли обеспечить в будущем не только армию, но и население Германии продовольствием, и питать промышленность Рейха [23]. Несмотря на большую потребность в кавказской нефти, германская верхушка разрабатывала стратегические планы в отношении других отраслей советской экономики. Идеологи Третьего рейха (А. Розенберг, И. Геббельс и др.) определили стратегическую важность захвата районов Северного Кавказа для снабжения Германии продуктами питания.

К началу ноября 1942 г. некоторые районы СОАССР, как и регионы европейской части СССР, оказались в оккупации (в том числе, часть Алагирского, Дигорского, Ирафского, Кировского районов) [24]. Понятно, что своеобразная политика немецких завоевателей не являлась проявлением заботы о населении региона, она была ориентирована на максимальное выкачивание хозяйственных ресурсов. Меняющаяся военная обстановка корректировала экономическую политику в отношении форм эксплуатации сельского хозяйства региона; возможности сохранения советских коллективных хозяйств, методов оплаты труда и др. Она серьезно отличалась от первоначального гибкого варианта эксплуатации захваченных территорий, и, в конечном счете, свелась к тривиальному разграблению во время панического отступления с оккупированных земель. Оккупанты уничтожили и разрушили в колхозах 1905 строений, 433 жилых дома, разграбили 10 997 голов крупного рогатого скота, 15494 тонны зерна, общий ущерб народному хозяйству

превысил 1 млрд руб. За время оккупации гитлеровцами расстреляно 128 мирных советских граждан².

Вывозились не только продукты и техника, но разрушались исторические памятники. В материалах ЧГК отмечены, например, факты варварского отношения фашистов к культурным ценностям: «Осетинский город Алагир, находившийся в течение почти двух месяцев под пятой немецких оккупантов, подвергся значительному разрушению. С ожесточением вандалов немцы полностью разрушили Алагирский краеведческий музей им. Коста Хетагурова. Помещение музея, стены которого расписаны маслом К. Хетагуровым, совершенно опустошено. Все богатства музея безжалостно уничтожены, сожжены и разграблены. Двор музея превращен в мусорную свалку жалких остатков экспонатов»³.

Наивное детское воображение своеобразно реагировало на происходившие события. Засеев В. (1929 г.) спустя много лет помнит о начале войны: «В этот день мы с друзьями играли «в войну». Вдруг по радио Левитан объявил, что гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну. Даже спустя годы мы с друзьями по-детски были уверены, что война началась из-за нашей шалости» [25, с. 15].

В воспоминаниях достаточно часто упоминается о страхе, который внушали оккупанты еще до своего прихода на Северный Кавказ. В. Богова (1935 г.) рассказывала членам комиссии, как 6 ноября фашисты начали бомбить станицу Архонскую: «Немецкие самолеты летели очень низко и, безусловно, видели, что кроме женщин и детей в нашем дворе никого не было: военных не было и поблизости. Всё-таки сбросили бомбы и убили семнадцать человек в одном только нашем дворе. В село вошли немцы, и они не давали нам пойти и помочь раненым, погибавшим под обломками. Всех нас выгнали на улицу и приказали уйти из села»⁴.

В памяти М. Коблова (1935 г.) этот день тоже отпечатался следующим образом: «Когда началась война, мы были в горах, в селе Ухат. Коммунист Павел Салбиев собрал всех на ныхас⁵ и рассказал, что 22 июня на СССР вероломно напала фашистская Германия. Когда я после ныхаса рассказал маме о том, что Гитлер напал на нас, она заплакала. Я не понимал ее состояния, пока она не рассказала, что такое война и почему это так страшно» [25, с. 48]. Н. Гатеева (1928 г.) в своих показаниях не пыталась скрыть испуг от первой встречи с оккупантами, которые ломались в дом: «Перед рассветом мы слышали шум шагов немцев. Я в страхе сказала маме: "Если мне придется увидеть кого-нибудь из них (оккупантов – Авт.), то я умру от одного лишь замешательства"»⁶. Сохранились свидетельства первой встречи с врагом и у В. Ревазова (1931 г.): «Моя мама уже не знала, как прокормить семью из 8 человек. Мы старались идти лесом, чтобы нас не заметили немцы. Но нам не

2 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Алагирском, Ардонском районах. // Государственный архив новейшей истории РСО-Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 237. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

3 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ардонском, Кировском, Алагирском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 3а. Л. 84а.

4 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Кировском, Алагирском, Ардонском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

5 Сельский сход.

6 Акты о зверствах немецких оккупантов в Ардонском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 129.

повезло, нас заметили и подошли к нам двое молодых людей в военной форме, я стала плакать от страха, прижалась к матери сильно. Она пыталась меня успокоить, хотя я чувствовала, как ее сердце стало учащенно биться»⁷.

Дальнейшие события показали, что оккупанты не стеснялись себя в средствах наведения страха и ужаса на население оккупированных территорий.

Учащиеся Ардонской средней школы засвидетельствовали членам комиссии такой факт: ночью 30 ноября 1942 г. над Ардоном появился советский самолет. Когда самолет повернул назад, то был подбит немецкими зенитчиками, «утром мы пошли к месту падения. Недалеко от мельницы колхоза «Красный Ардон» мы увидели остатки нашего самолета. Было очень тяжело смотреть на двух погибших пилотов. Многие из нас чуть не плакали». Увидев подростков, подошедшие немецкие офицеры заставили нас смотреть, как немецкие солдаты издевались над телами погибших. Одному из нас, Хасану Хосроеву, ученику седьмого класса Ардонской средней школы удалось посмотреть книжку погибшего лётчика. Это был старший лейтенант Иван Сергеевич Зубов. «В книжке были сделаны записи за ноябрь, – рассказал Хасан. – Там было записано, что лётчик в течение дня провёл несколько вылетов в населенные пункты Дигора, Ардон и сбрасывал бомбы на немецкие машины»⁸.

Дети становились жертвами физического истребления. Так, мальчику Бакуновичу Боре 11 лет два оккупанта нанесли «массивный удар в область лобных костей, размозжили череп, оторвали пальцы обеих рук и вывернули голеностопный сустав правой ноги»⁹; в сел. Толдзгун зверски были убиты 6 человек, среди них юноша 17 лет¹⁰. Оккупанту ничего не стоило развлечения ради застрелить, ранить, покалечить ребенка: молодая мать свидетельствовала, как ее встретили на улице два немца: «Приблизилась к ним шагов на тридцать – стреляют. И словно огнем обожгло правую руку, которой дочку держала. Повисла рука, и упустила я дочку. Бросилась к ней, а она мертвая. Из груди моей и руки кровь сочится... Схватила я теплый еще трупик Нины – к немцам побежала, да ушли они, смеясь...»¹¹. Годзоев А. (1932 г.) в своих показаниях не смог скрыть ужаса от происшедшего на его глазах бесчеловечного акта: «Это было в начале декабря 1942 года. Немецкий офицер жил в нашем доме. К этому офицеру направлялся солдат с докладом. Собака залаяла на солдата. Трехлетний мальчик Коля сидел возле окна, он испугался и заплакал. Офицер рассвирепел, стал кричать, что ребенок своим плачем беспокоит его и из пистолета наповал убил маленького мальчика»¹².

7 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ирафском районе. Ч. 1. // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 103.

8 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ардонском, Кировском, Алагирском районах. Ч. 2. // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп.1. Д. 3. Л. 16.

9 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Кировском, Алагирском, Ардонском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп.1. Д. 1. Л. 7. Л. 28.

10 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ирафском районе. Ч. 1. // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 74.

11 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Кировском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

12 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ардонском, Кировском, Алагирском районах. Ч. 2. // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 3. Л. 106.

В военное время смерть становится обыденным явлением для детей. Все очевидцы событий, в независимости от времени воспоминаний, отмечали жестокость врагов, которые не щадили никого. Война оказала негативное влияние на «детский мир»: если ребенок довоенного времени имел мало обязанностей, больше ощущал заботы, ласки от старших, то в условиях оккупации произошло резкое сокращение детского пространства, увеличение обязанностей. Дети должны были искать источники пропитания, старшие дети брали на себя заботы о семье. В своих воспоминаниях они очень точно описывают изменение гендерных и социальных ролей.

Оккупанты квартировали в домах, хозяева же прятались либо в лесу, либо в землянках: «Жизнь в лесу была тяжела, – так вспоминал свое военное детство Н. Засеев (1935 г.), – не было воды, не хватало муки, продуктов, было холодно, сыро, народ болел. Все это вызвало частные смертные случаи» [25, с. 28]. В некоторых населенных пунктах оккупационные власти требовали возвращения местного населения из леса, т.к. опасались налета партизан или авианалетов: ««Если вы не выйдете, вас будут бить – вы партизаны» [25, с. 39]. Возвращение домой также не гарантировало спокойной жизни. О возвращении в родной дом в своем свидетельстве поведал И. Цагараев (1931 г.): «Мы явились домой и направились в сарай, думая, что пожалеют детей и не выгонят их из нашего сарая. Мы развели огонь в очаге в сарае. В это время появились немцы, оттолкнули детей и стали греться у нашего огня»¹³.

Дети страдали легочными заболеваниями, участилась смертность. Например, 2-летняя дочь фронтовика М. Бязрова в таких условиях простудилась и умерла¹⁴.

Многие очевидцы событий вспоминают о той роли, которую в их жизни сыграла помощь родни, соседей [26]. Традиционный дух коллективизма в годы войны проявился со всей силой и спас тысячи людей от голода и смерти. Малолетний житель с. Кадгарона в процессе беседы с членами комиссии отмечал: «Жуткую жизнь вели жители в окопах, землянках, щелях. В них было тесно, холодно. Чтобы противостоять насилиям немцев, жители собирались в одно место несколько дворов, помогали друг другу»¹⁵. Жители Алагира, рассказывая о страшных картинах германской оккупации, отмечали сострадание местных жителей в отношении изгнанных из своих домов сельчан: «Накануне отступления немцев здесь скопилось около 300 семейств и много рогатого скота, на котором беженцы перевозили свои пожитки. Народ голодал, скот стоял без корма. Коренное население хорошо помогало этим обездоленным людям»¹⁶.

Об этом же вспоминали, спустя много лет, другие дети войны: М. Абаев (1930 г.): «Несмотря на тяжелые времена, люди помогали друг другу»; Гулунова Р. (1932 г.):

13 Акты о зверствах немецких оккупантов в Ардонском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 92.

14 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Кировском, Алагирском, Ардонском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 7. Л. 68.

15 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Дигорском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 362

16 Там же.

«У нас была одна корова на четыре семьи, это была наша кормилица, если бы не ее молоко, мы не смогли бы выжить» [27, с. 44]. Ученые установили зависимость ситуации подавленности и страха и активизации традиционных механизмов взаимопомощи и поддержки, «заставляющие людей сильнее, чем обычно, чувствовать свою близость, солидарность перед лицом реальных или мнимых коллективных опасностей» [28, с. 14].

Наряду с заботами о хлебе насущном приходилось выполнять много обязанностей, возложенных оккупационными властями на местное население. Жители ст. Змейской свидетельствовали о том, что немцы «дали приказ о том, чтобы все жители, включая даже детей и стариков, выходили в обязательном порядке на работу. Не явившихся на работу они арестовывали, а опоздавших били розгами» [29, с. 224]. Колхозники должны были выходить на работу в 6 утра, их выстраивали по-военному, каждую бригаду в особую команду. К собравшимся заявлялись немцы, и каждый говорил, сколько работников ему нужно.

Один из подростков сел. Кора (1934 г.) в своих показаниях сообщал, что немецкие солдаты заставили 16-летнего мальчика А. Чехоева натаскать из реки воды для их кухни, затем дали ему еще много работы. Так как мальчик устал, он присел отдохнуть. Тогда немецкий офицер, находившийся в комнате, схватил Ахсарбека за шиворот пальцами, сильно сжал ему жилы на шее, потом сунул его голову между своих ног и с остервенением и ругательством со всей силы кулаками колотил его по спине¹⁷. На глазах детей фашисты творили страшные злодеяния. Золо Бохова вместе с двухлетней дочерью отправилась на мельницу, чтобы купить немного муки. Муку ей не дали, и она пошла назад. Часовой без предупреждения начал стрелять по ним, прострелил грудь и руку ребенку. На крики вышли односельчане и с трудом уговорили часового отдать им раненую девочку. А. Шевцова свидетельствовала о произошедшем на ее глазах убийстве двух подростков: «По улице проходил пьяный офицер, а навстречу ему шли два мальчика. Офицер выхватил пистолет и выстрелил в мальчиков. Мальчики попытались скрыться в доме, но офицер сломал ворота и ворвался во двор, взял топор и гонялся за детьми». Была расстреляна А. Гречко, которая отказалась отдавать немцам свою корову, сказав, что «немцы нахально все берут и грабят, у советских людей такого не было»¹⁸.

Многие дети описывали картину произвола немцев: «Смотришь – немцы гонятся за свиньей, за коровой. Тащат животных, кур, одни в ту сторону, другие – обратно. Тащат кровати, разбирают дома, сараи. Поминутно слышишь выстрелы, автоматные очереди. Вся эта картина дополнялась криками женщин, плачем детей, а часто и картинами ареста жителей и препровождения их в комендатуру» [25, с. 59]. Приходя в дом, немецкие солдаты забирали все, что представляло ценность [29, с. 227]. Если хозяева пытались спасти свою живность, часто это заканчивалось трагически. Так, в ст. Змейской два оккупанта зашли во двор семьи

¹⁷ Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Дигорском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 9. Л. 162.

¹⁸ Акты о зверствах немецких оккупантов в Ардонском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 104, 110, 117.

Фроловых забрать поросенка. Ребенок 9 лет выбежал им навстречу, пытаясь защитить свое добро. Солдаты выстрелили в него и покалечили обе ноги¹⁹.

Практически во всех свидетельствах люди говорят о тяжелых бытовых условиях, об отсутствии продуктов питания, одежды. Повседневная жизнь населения была сильно осложнена острым дефицитом и невозможностью изыскать продукты, топливо, одежду, жилье.

К этому присоединялась тяжелая морально-психологическая атмосфера, связанная с тревогой за жизнь близких, неизвестность будущего и др. В экстремальных условиях оккупации, связанных с грабежами, насилием и издевательствами над мирными жителями, у подростков рождалось не только негодование, но и желание противодействовать в разных формах.

Подростки и дети очень быстро взяли на себя роли взрослых, максимально сближаясь с миром старших. Но если последние понимали ценность жизни, то подростки часто рисковали безрассудно. Жертвенность стала одним из способов сопротивления оккупантам [30]. Учеными было установлено, что нахождение в экстремальных условиях (война, революция, плен), когда нет четкого видения будущего, все неопределенно, опасно для физического существования индивида и его психического состояния. Импульсивность ребенка нередко этому способствовала. Так, В. Тургиев (1933 г.) вспоминал о таком случае из своего детства: «Помню случай, который едва не стоил мне жизни. В ту пору мне шел девятый год. Несмотря на незначительный возраст, я всей душой ненавидел фашистов и мечтал с ними покончить. К «нашему» офицеру в гости пришел его товарищ, он был противным и наглым. Я не сдержался и плюнул в него. Расправа не замедлила: немец схватил меня за волосы, приставил к голове пистолет» [25, с. 69].

В исторической психологии в последнее время активно разрабатывается направление «war mentality», изучающее состояние психики в военное время, психологию военного времени [31; 32]. В неокрепшем детском сознании стресс стал той движущей силой, которая могла вылиться в подавленность, или, наоборот, в активное сопротивление. Психологи усматривают связь между гнетущей обстановкой жестокого террора и ростом решительности и сопротивления индивида. Именно последние формируют самосознание народа, армии в случае войны или масштабной катастрофы.

В период оккупации эти процессы получили мощное развитие. Во-первых, подростки часто саботировали указания оккупационных властей выходить на работу. Насильственное привлечение к работе повторялось каждый день. «Уклонявшихся, – вспоминает Р. Ваниева, – били розгами, арестовывали и издевались над ними»²⁰. Проявлялся протест также в случаях реквизиции вещей, утвари, живности. А. Габеев (1929 г.) хорошо помнит день, который едва не стоил ему жизни: «К нам во двор зашли два немца. Они хотели забрать нашу кормилицу. Я был единственным мужчиной в доме, поэтому встал на их пути. Им стало смешно от того,

19 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ардонском, Кировском и Алагирском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 3(1). Л. 37а.

20 Там же. Л. 60.

что мальчишка им пытается помешать, один из них так сильно меня ударил, что я упал. Второй привязал веревку на шею коровы и вывел ее со двора. Я долго плакал от бессилия и обиды» [25, с. 86].

С риском для жизни молодые люди выхаживали раненных красноармейцев. Из показаний В. Влаховой: «Во время одного боя возле с. Толдзгун два красноармейца забрались на чердак дома и оттуда стреляли по немцам. Немцы заметили, откуда идет стрельба, подкрались с тыла и бросили гранату на чердак. Немцы решили, что красноармейцы убиты и ушли. О том, что на чердаке находились красноармейцы, узнал Омар Хортиев. Ночью он прокрался в этот дом, забрался на чердак и позвал красноармейцев к себе домой. Накормил солдат и спрятал их в своем саду в соломе. По ночам носил туда еду и воду»²¹.

Большой находкой для нас стал дневник Темиркановой Марии из сел. Ардон, который она вела на протяжении войны. Среди разных бытовых проблем она описала случай с раненым красноармейцем. Ардон находился в оккупации 2-й месяц, когда жители стали свидетелями ожесточенной ночной перестрелки. Утром следующего дня Мария и ее брат Георгий собрались в лес по дрова. Поравнявшись со зданием школы, подростки увидели несколько трупов немецких солдат, а в отдалении – лежал, истекая кровью, молодой человек, возле него валялся пулемет, четыре диска и несколько гранат. В кармане морского десантника оказались документы на имя А.И. Житнюка. Ребята тайком перенесли раненого в сарай. Ухаживали за ним около двух недель. Об этом стало известно в комендатуре, и Марию несколько раз вызывали на допрос [25, с. 64]. Если бы не скорое освобождение Ардона от оккупантов, история могла закончиться трагически.

В. Тургиев (1933 г.) много позже также вспоминал об односельчанах, которые помогали партизанам: «Хорошо помню, что в лесу вокруг села прятались наши партизаны. Женщины поддерживали их продовольствием, хотя у нас самих было не очень много продуктов. Однажды пятеро партизан пришли тайком в село, чтобы получить хлеб, масло, но были выслежены и расстреляны немцами прямо на глазах сельчан» [25, с. 72].

Подростки совершали и более серьезные поступки. А. Гобеев (1928 г.) дал объяснение членам комиссии о своих действиях: «У нашего соседа Сергея Хайманова жили немцы, много солдат, во дворе было у них четыре машины. Они, немецкие солдаты, делали укрытие для своих машин, около колес клали стены из камней. Немцы заметили меня и подозвали помогать им. Я украл автомат и патроны для партизан»²².

Один из малолетних свидетелей издевательств над односельчанами так описал свое состояние: «Никогда я еще не подвергался подобным оскорблениям. Я никогда их не забуду. Был ведь топор в моих руках. Меня так и тянуло всадить его в грудь гитлеровца: но удержали меня члены моей семьи и люди, эвакуированные к нам. «Немцы истребят не только нас, но и весь квартал», – говорили мне»²³.

21 Акты и документы о зверствах немецких оккупантов в Ирафском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

22 Там же. Л. 37

23 Акты и документы о зверствах немецких оккупантов в Ардонском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 148.

Давая показания членам ЧГК, мать двух расстрелянных подростков из сел. Чи-кола так описывала свое горе утраты двух сыновей: «Ханафи был отчаянный, он уверял меня, что кого-нибудь из офицеров убьет обязательно за мерзкие дела. Ханафи достал у кого-то из соседей винтовку и начал из нее стрелять. На вопрос немецкого офицера, зачем ему винтовка, мальчик ответил, что хотел его убить. Братьев арестовали. Женщина умоляла офицера не убивать ее детей. На это офицер ответил: «Мы их сейчас расстреливать будем. Радуйся, что тебя в живых оставляем...». На следующий день их расстреляли в сел. Старый Лескен. Тела еще некоторое время не выдавали для погребения»²⁴.

Другой подросток в своих показаниях написал, что иногда он узнавал, как старшие земляки мстят врагу, выводят из строя их технику. Дети решили поддержать взрослых односельчан и стали незаметно прятать гранаты и патроны, выкраденные из домов, где жили немецкие солдаты²⁵. Или еще такие факты отмечены в материалах комиссии: «Сельские ребяташки из-за ненависти к немцам придумали следующее занятие. Вдоль дороги на обочине через определенный промежуток стояли канистры с бензином для заправки проходящего немецкого транспорта. Мы незаметно подкрадывались к ним и опрокидывали. Эта забава продолжалась еще некоторое время, затем нас выследили и наказали»²⁶.

Многие подростки, невзирая на опасность, старались незаметно подкармливать пленных советских солдат, а также арестованных сограждан. Большая опасность подстерегала смельчаков, которые украдкой хоронили красноармейцев, погибших от пыток или расстрелянных фашистами. Ж. Дзуцева из Ардона свидетельствовала: «Над Ардоном был сбит советский летчик. Немцы заставили местного жителя похоронить его. Тот закопал труп плохо. Мы с комсомолкой З. Тезиевой и З. Дзуцевой похоронили героя как следует. У изголовья поставили красную звезду, сорванную нами с его самолета»²⁷.

Некоторые подростки помогали партизанам добывать сведения и тем самым вредить оккупантам. Так, В. Кайтуков рассказал членам ЧГК: «... Мне удалось найти кипу листовок, сброшенных нашими самолетами об успехах наших войск под Сталинградом и Орджоникидзе (Владикавказом). Эти листовки мы распространяли среди населения. Действие этих листовок было весьма благотворно, так как немцы распространяли слухи о своей скорой победе»²⁸.

М. Блиев, взорвал цистерну с бензином для немецкой техники. Много позже он заметил: «...Я не собирался совершать подвига, не думал о патриотизме. Подобные высокие идеалы были мне еще недоступны. Однако инстинктивно я хорошо понимал, какое зло принесли с собой немцы. Был у меня и другой мотив – сумею ли насолить немцам так, чтобы они меня не поймали» [33, с. 65].

24 Акты и документы о зверствах немецких оккупантов в Ирафском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 120–124.

25 Акты и документы о зверствах немецких оккупантов в Кировском, Алагирском и Ардонском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 5. Л. 124.

26 Акты и документы о зверствах немецких оккупантов в Ардонском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 193.

27 Там же. Л. 128.

28 Там же. Л. 185.

Итак, дети военного времени в отличие от взрослых находили разные способы адаптации к условиям оккупации. Если сравнить их со взрослыми, у которых жизненный опыт был куда богаче, рефлексии связывались с рациональностью, собственными жизненными установками и мировоззрением, дети оставались детьми, которые были далеки от осознанных рефлексий и руководствовались чувствами: страха, ненависти, ответственности, мести и т.д. Это отчетливо прослеживается во многих эго-документах.

Повседневная жизнь детей из оккупированных районов Осетии, отраженная в воспоминаниях современников, указывает на ряд исключительных ситуаций: бомбежки, страх, расстрелы, реквизиции, голод, холод, сиротство и др. Проблемой стало элементарное выживание. Несмотря на пертурбационные составляющие военного времени, в экстремальных условиях дети продемонстрировали высокую жизнеспособность, готовность решать не только личные, семейные, но и общезначимые задачи.

Таким образом, воспоминания детей, переживших ужасы войны, помогают реконструировать многое из того, что не отразилось в других источниках, они имеют большое значение для всестороннего исследования событий Великой Отечественной войны. Сравнивая свидетельства 1943-1944 гг. и воспоминания-интервью в наше время, отметим определенную специфику. Во-первых, давая свидетельские показания в 1940-е гг., дети делали это в присутствии старших и таких же очевидцев описываемых событий, здесь степень достоверности высокая; в воспоминаниях 2000-х гг. сообщаемые факты нуждаются в проверке, т.к. ничем не подкрепляются. Во-вторых, свидетельства 1940-х гг. достаточно конкретны, в них не так много эмоций, дети рассуждают как взрослые, в последующих воспоминаниях больше эмоций, расплывчатости и часто общие рассуждения. Тем не менее, этот вид источников дает представление о жизни, переживаниях, эмоциях маленького человека.

Воспоминания детей войны имеют большое значение для воссоздания региональной истории, социальной истории войны. Со временем уходят целые поколения тех, кто пережил ужасы войны, поэтому тем более важно успеть собрать их воспоминания, чтобы зафиксировать локальную картину войны в детском сознании. По этой причине тема «детского мира» и детской повседневности в годы Великой Отечественной войны остается актуальной, востребованной.

Благодарность. Статья опубликована при финансовой поддержке РФФИ (проект 21-09-43008 СССР).

Acknowledgments. The article was published with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project 21-09-43008 USSR).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Медик Х. Микроистория // THESIS. – 1994. – Вып. 4. – С. 193-202
2. Людтке А. Что такое «история повседневности»? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 77-100.
3. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. / Пер. Е. М. Лысенко. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – 254 с.
4. Февр Л. Бои за историю. М., 1986. – 632 с.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. – 327.
6. Лотман Ю.М. Труды по семиотике. – В 3-х т. Т.3. – Таллин, 1996. 494 с.
7. Мальшьева Е.М. Война как социальное и историко-психологическое явление: к вопросу о методологии исследования // Особенности историко-психологического исследования: материалы I межрегионального рабочего семинара по исторической психологии (Краснодар, 9 февраля 2002 г.) – Краснодар, 2002. – С. 30-36.
8. Сенявская Е.С. 1941-1945. Фронтное поколение. Историко-психологические очерки. – М., 1995. 218 с.
9. Селунская Н.Б. К проблеме объяснения истории // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. – М., 2000. – С. 44-62
10. Чуркин М.К. Воспоминания «детей войны» (1941-1945 гг.) в коммеморативных практиках российского общества: «место памяти» или «место забвения»? // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. «2(11). С. 86-88
11. Николаева С.А. Дети и война. М., 1991. – 160 с.
12. Юдицкий С.А. Война глазами ребенка. Воспоминания. – СПб.: Научно-технические технологии, 2017. 21 с.
13. Петрова Н.К. Дети Великой Отечественной войны. // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». – Краснодар, 2010. С. 112-125
14. Мирзабеков М.Я., Каймаразова Л.Г., Лысенко Ю.М. Воспоминания детей военных лет как источник по истории Дагестана в годы Великой Отечественной

1. Medik H. Microhistory [*Mikroistoriya*]. THESIS. 1994, 4: 193-202.
2. Ludtke A. What is the “history of everyday life”? Its achievements and prospects in Germany [*Chto takoe «istoriya povsednevnosti»? Ee dostizheniya i perspektivy v Germanii*]. Social History. Yearbook. 1998/1999. Moscow, 1999. p. 77–100.
3. Blok M. *The Apology of history, or the craft of a historian* [*Apologiya istorii, ili Remeslo istorika*]. E. M. Lysenko (transl.). 2nd ed., supplemented. Moscow, 1986.
4. Fevr L. *Fights for history* [*Boi za istoriyu*]. Moscow, 1986.
5. Gurevich AYa. *Historical synthesis and the school of “Annals”* [*Istoricheskij sintez i shkola «Annalov»*]. Moscow, 1993. Available at: https://vk.com/doc5787984_437676765?hash=coeoa972fa278b2173
6. Lotman YuM. *Studies on semiotics* [*Trudy po semiotike*]. In 3 volumes. Vol. 3. Tallinn, 1996.
7. Malysheva EM. War as a social and historical-psychological phenomenon: on the issue of research methodology [*Vojna kak social'noe i istoriko-psihologicheskoe yavlenie: k voprosu o metodologii issledovaniya*]. Features of historical and psychological research: proceedings of the I interregional workshop on historical psychology (Krasnodar, February 9, 2002). Krasnodar, 2002. p. 30–36.
8. Senyavskaya ES. 1941-1945. The front-line generation. *Historical and psychological studies* [1941-1945. Frontovoe pokolenie. Istoriko-psihologicheskie ocherki]. Moscow, 1995.
9. Selunskaya N.B. On the problem of explaining the history [*K probleme obyasneniya istorii*]. Problems of source studies and historiography: proceedings of the II Scientific readings in memory of academician ID Kovalchenko. Moscow, 2000. p. 44–62.
10. Churkin M.K. Memories of “children of war” (1941-1945) in commemorative practice of the Russian society: “a place of memory” or “a place of oblivion”? [*Vospominaniya «detej vojny» (1941-1945 gg.) v kommemorativnykh praktikahrossijskogo obshchestva: «mesto pamyati» ili «mesto zabveniya»?]. Journal of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. 2016, 2(11): 86–88.*
11. Nikolaeva SA. *Children and war* [*Deti i vojna*] Moscow, 1991.
12. Yuditsky S.A. *War through the eyes of a child. Memories* [*Vojna glazami rebenka. Vospominaniya*]. St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2017.
13. Petrova N.K. Children of the Great Patriotic War [*Deti Velikoj Otechestvennoj vojny*]. *The Second World War in the children's “memory framework”*. Krasnodar, 2010. p. 112–125.

войны // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2016. №1(45). С. 68-77

15. Детство, опаленное войной. Дагестан. 1941 – 1945 гг. Воспоминания. Мачачкала: МавраевЪ, 2015. 463 с.

16. Хубулова С.А., Хубулова Э.В. Детские воспоминания о великой отечественной войне в пространстве современной устной истории // Известия СОИГСИ. 2014. № 14 (53). С. 35-40.

17. Безрогов В.Г. Воспоминания как источник по истории детства. //Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии. – М., 2001. Вып. 2. С. 65-78.

18. Кринко Е.Ф. Воспоминания детей военного времени (1941–1945): источники изучения // Сумский историко-архивный журнал. – 2014. – № XXII. С. 34–41.

19. Реброва И.В. Мир детской повседневности в условиях оккупации Северного Кавказа // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 2 (25). С. 80-87.

20. Пенькова О.Б., Санко А.С. Детские воспоминания о войне жительницы Макеевки Ларисы Степановны Симоновой: публикация нарративного интервью // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2015. 2(56). С. 138-148.

21. Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект: На материалах Краснодарского края. Дисс. ...канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. – 255 с.

22. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Владикавказ, 1992. 317 с.

23. Татаров А.А. Сельскохозяйственные ресурсы Северного Кавказа в экономической стратегии Германии в 1942-1943 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – №03(107)Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/03/pdf/34.pdf> (дата обращения 10.04.2021)

24. Деятельность Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета оборо-

14. Mirzabekov MYa, Kaimarazova LG, Lysenko YuM. Memories of wartime children as a source on the history of Dagestan during the Great Patriotic War [*Vospominaniya detej voennyh let kak istochnik po istorii Dagestana v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*]. Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. 2016, 1(45): 68–77.

15. *Childhood, scorched by war. Dagestan. 1941-1945 Memories* [*Detstvo, opalennoe vojnoj. Dagestan. 1941 – 1945 gg. Vospominaniya*]. Makhachkala: Mavraev, 2015.

16. Khubulova SA, Khubulova EV. *Children's memories of the Great Patriotic War in the space of modern oral history* [*Detskie vospominaniya o velikoj otechestvennoj vojne v prostranstve sovremennoj ustnoj istorii*]. *Izvestiya SOIGSI*. 2014, 14(53): 35–40.

17. Bezrogov VG. Memoirs as a source on the history of childhood. [*Vospominaniya kak istochnik po istorii detstva*]. *Proceedings of the Department of Pedagogy, History of Education and Pedagogical Anthropology*. Moscow. 2001, 2: 65–78.

18. Krinko EF. Memoirs of wartime children (1941-1945): sources of study [*Vospominaniya detej voenogo vremeni (1941–1945): istochniki izucheniya*]. *Sumsky Historical and Archival Journal*. 2014, 22: 34–41.

19. Rebrova IV. The world of children's everyday life in the conditions of the occupation of the North Caucasus [*Mir detskoj pousednevnosti v usloviyah okkupacii Severnogo Kavkaza*]. *Perm University Herald. History*. 2014, 2(25): 80–87.

20. Penkova OB, Sanko AS. Childhood memories of the war of Larisa Stepanovna Simonova, a resident of Makeyevka: publication of a narrative interview [*Detskie vospominaniya o vojne zhitel'nicy Makeevki Larisy Stepanovny Simonovoj: publikaciya narrativnogo intervyyu*]. *Journal of Historical, Political and International Studies*. 2015, 2(56): 138–148.

21. Rebrova IV. The Great Patriotic War in memoirs: historical and psychological aspect: based on the materials of the Krasnodar Territory. [*Velikaya Otechestvennaya vojna v memuarah: istoriko-psihologicheskij aspekt: Na materialah Krasnodarskogo kraja*]. Candidate's thesis. Krasnodar, 2005.

22. Khudalov TT. *North Ossetia in the Great Patriotic War 1941-1945* [*Severnaya Osetiya v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg.*]. Vladikavkaz, 1992.

23. Tatarov AA. Agricultural resources of the North Caucasus in the economic strategy of Germany in 1942-1943 [*Selskohozyajstvennye resursy Severnogo Kavkaza v ekonomicheskoy strategii Germanii v 1942-1943 gg.*]. Scientific journal KubSAU [Electronic resource]. Krasnodar: KubGAU, 2015, 3. Available at: (<http://ej.kubagro.ru/2015/03/pdf/34.pdf>).

ны и органов государственной власти и управления Северо-Осетинской АССР в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны. Сборник док-тов и материалов / Сост. Л.Ч. Хаблиева. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2020. 356 с.

25. Хубулова С.А. Я вспоминаю: свидетельства детей Великой Отечественной. – Владикавказ: СОГУ, 2010. – 97 с.

26. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М.А. Рыблова, Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина [и др.]. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.

27. Хубулова С.А. Устная история Великой Отечественной войны // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. – № 4 (21). – С. 42-49.

28. Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 2005. – С. 7 – 79.

29. Хаблиева Л.Ч., Сосранова З.В., Дзотцоева З.Е., Царикаев А.Т. Оккупация территории Северной Осетии в пространстве индивидуальной памяти (по материалам ЦГА РСО-А). // Вопросы истории. – 2020. – № 4. – С. 223-229

30. Буряк И.И., Реброва И.В. В концлагерях, во время блокады и оккупации: военное детство сегодняшних кубанцев в их воспоминаниях // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: сборник научных статей. – Краснодар, 2011. – С. 12-14

31. Holmes R. Acts of War. The Behaviour of Men in Battle. – New-York, 1987. Pp. 412-422

32. Terkel S. The Good War. An Oral History of World War II. – New-York, 1984. – 589 p.

33. Блиев М.М. Осетия кручина моя. Т.1. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2011. – 142 с.

24. Activities of the Ordzhonikidze (Vladikavkaz) Defense Committee and state authorities and administration of the North Ossetian ASSR in the emergency conditions of the Great Patriotic War. Collection of documents and materials [Deyatel'nost' Ordzhonikidzevskogo (Vladikavkazskogo) komiteta oborony i organov gosudarstvennoj vlasti i upravleniya Severo-Osetinskoj ASSR v chrezvychajnyh usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny. Sbornik dok-tov i materialov]. L.Ch. Khablieva (comp.). Vladikavkaz: CPC SOGU, 2020.

25. Khubulova SA. I remember: testimonies of children of the Great Patriotic War [Ya vspominayu: svidetel'stva detej Velikoj Otechestvennoj]. Vladikavkaz: SOGU, 2010.

26. Ryblova MA, Krinko EF, Khlynina TP, et al. Childhood and war: the culture of everyday life, mechanisms of adaptation and survival practices of children in the conditions of the Great Patriotic War (based on the materials of the Battle of Stalingrad) [Detstvo i vojna: kul'tura pousednevnosti, mekhanizmy adaptacii i praktiki vyzhivaniya detej v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Stalingradskoj bitvy)]. Volgograd: Publishing house of the Volgograd branch of the RANEPА, 2015.

27. Khubulova SA. Oral history of the Great Patriotic War [Ustnaya istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny]. Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. 2013, 4(21): 42–49.

28. Gudkov L. The ideologeme of the enemy. “Enemies” as a mass syndrome and a mechanism of socio-cultural integration [Ideologema vraga. «Vragi» kak massovyj sindrom i mekhanizm sociokul'turnoj integracii]. Image of the enemy. L. Gudkov (comp.); N. Konradov (ed.). Moscow: OGI, 2005. p. 7–79.

29. Khablieva LCh, Sosranova ZV, Dzottsoeva ZE, Tsarikaev AT. Occupation of the territory of North Ossetia in the space of individual memory (based on the materials of the RSO-A Central State Administration) [Okkupaciya territorii Severnoj Osetii v prostranstve individual'noj pamyati (po materialam CGA RSO-A)]. Questions of history. 2020, 4: 223–229.

30. Buryak II, Rebrova IV. In concentration camps, during the blockade and occupation: the military childhood of today's Kuban residents in their memories [V konclageryah, vo vremya blokady i okkupacii: voennoe detstvo segodnyashnih kubancev v ih vospominaniyah]. The South of Russia in the Great Patriotic War: paths of memory: a collection of scientific articles. Krasnodar, 2011. p. 12–14.

31. Holmes R. Acts of War. The Behaviour of Men in Battle. New-York, 1987. p. 412–422.

32. Terkel S. The Good War. An Oral History of World War II. New-York, 1984.

33. Bliев MM. Ossetia – my woe [Ossetia kruchina moyа]. Vol. 1. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2011.

Статья поступила в редакцию 16.07.2021 г.

Статья принята в печать 01.09.2021 г.